

ОПТАЦИОННАЯ КАМПАНИЯ И ЭВАКУАЦИЯ ГРАЖДАН ПРИБАЛТИЙСКИХ ГОСУДАРСТВ НА ИСТОРИЧЕСКУЮ РОДИНУ В НАЧАЛЕ 1920-Х ГОДОВ

В результате уголовной и административной ссылки, добровольного переселения и эмиграции беженцев во время Первой мировой и гражданской войн к началу 1920-х годов в Сибири сложились крупные этнические массивы эстонцев, латышей и литовцев. Общая численность выходцев из Прибалтики в этот период превышала 100 тыс. человек (около 40 тыс. эстонцев, более 50 тыс. латышей и латгальцев и более 10 тыс. литовцев).

В 1920 г. в отношениях России с прибалтийскими государствами наметилось новое важное направление. Подписание мирных договоров с правительствами этих стран дало возможность вернуться на родину десяткам тысяч бывших военнопленных и беженцев империалистической войны. Согласно статьям этих договоров проживающие на территории Советской республики лица эстонского, латышского и литовского происхождения получили право выбора гражданства (оптации) этих государств.

Так, 2 февраля 1920 г. в Юрьеве (Тарту) был подписан мирный договор между РСФСР и Эстонией, ратифицированный через два дня ВЦИКом. Согласно ст.4 Договора проживающие на территории России лица эстонского происхождения в течение года со дня ратификации могли оптировать эстонское гражданство. Кроме того, они освобождались от трудовой повинности [1].

По мирному договору России и Литвы, заключенному 12 июня 1920 г., беженцы, желающие вернуться на родину, надлежали возвращению «по возможности в кратчайший срок». А согласно приложению 1 к ст.6 российско-литовского мирного договора оптанты, проживающие в азиатской части России, пользовались правом проживания в РСФСР в течение 2 лет со дня получения оптационных удостоверений [2].

Советское правительство, взяв курс на мирное сосуществование с Литвой, Латвией и Эстонией, рассматривало заключенные договоры как долговременный фактор своей внешней политики, призванный в условиях продолжавшейся гражданской войны если не прорвать, то, во всяком случае, ослабить кольцо враждебного окружения вокруг советской республики.

В Россию прибыли, получив разрешение, официальные представители буржуазных государств, которые повели настойчивую агитацию, направленную на массовый выезд трудящихся в Прибалтику. Методы были самые разнообразные, но основная ставка делалась на разжигание националистических настроений.

С самого начала оптационная кампания испытывала серьезные затруднения. Во-первых, встал вопрос, каким путем вывозить на родину иностранных граждан и беженцев. В ноябре 1919 г. П.Берг предложил вывозить сибирских латышей морем двумя путями. Первый шел из Владивостока до Сингапура, а далее через Суэцкий или Панамский каналы. Но этот путь был малоперспективен, так как если в 1918 г. проезд по нему стоил 2-3 тыс.руб., то в 1919 г. - уже 20-30 тыс. руб. Более перспективным представлялся путь по сибирским рекам - Иртышу, Оби, Енисею в Северный Ледовитый океан и далее через Архангельск, где можно было бы взять на борт латышей из северных губерний России, в Латвию [3]. Впоследствии оба пути использовались для реэвакуации.

Так, в сентябре 1920 г. в Лиенаю морем прибыло из Архангельска 1348 человек на 2 пароходах, а из Владивостока - 1053 человека на 3 пароходах [4]. Однако прибалтийские государства не располагали достаточным количеством транспортных средств для реэвакуации значительного числа людей, да и стоили такие перевозки очень дорого. Поэтому большинство беженцев и оптантов возвращались на родину из России по железной дороге.

На всем протяжении пути по железной дороге были организованы питательные и медицинские пункты, обслуживающие массы реэвакуированных. Только Иркутский губэвак создал 7 питательных пунктов в Нижнеудинске, Зиме, Верхнеудинске, Мысовской и других местах [5].

Реэвакуация, проводившаяся в тяжелейших условиях хозяйственной и транспортной разрухи, требовала от государственных органов максимального напряжения сил и средств. На железных дорогах Сибири отступающие под ударами Красной армии колчаковцы взорвали и сожгли 167 мостов, в том числе через крупные реки Иртыш, Тобол, Ишим. Западно-сибирский крестьянский мятеж 1921 г. грозил парализовать движение на магистрали. По данным Чрезвычайной эвакуационной комиссии Сибревкома, только на станциях Красноярск и Злобино скопилось 1803 вагона с эвакуированным населением [6]. В этих условиях эшелон с беженцами шел от Иркутска до Петрограда 37 дней [7].

На первых порах казалось, что контрольно-оптационные комиссии добились большого успеха. Размах оптационной кампании был велик. Большая часть литовского, латышского и эстонского населения Сибири подала заявления о своем желании выехать из России. Так, из 73 эстонских жителей Барнаула оптировали эстонское гражданство 52 человека [8]. Изъявили желание принять литовское гражданство все имеющиеся в Черемхово и Черемховском уезде Иркутской губернии лица литовской национальности [9]. Из сел Сережиха и Лебедиха на Алтае, где летом 1921 г. проживало около 1 тыс. эстонцев, осталось менее четверти населения. Все остальные выехали в

* © И.В. Лоткин, 2005.

Барнаул, где стали ждать отправки на родину [10]. Также обстояло дело и в отношении балтийских поселенцев других мест Сибири.

По данным административного отдела Сибревкома, далеко не полным, в 1920 г. оптировали эстонское гражданство 4807 человек, в 1921 г. - 6406, в 1922 г. - 597 [11]. В годовом отчете эстонской секции при Сиббюро ЦК РКП(б) за 1921 г. отмечалось, что до 85 % эстонских крестьян Сибири подали заявления о выезде в Эстонию. Всего же, по данным эстонского правительства, в 1920-1923 гг. из Советской России в Эстонию переехало 37578 человек (из них в 1920 г. - 14909, в 1921 г. - 15866, в 1922 г. - 5380 и в 1923 г. - 1423 человека) [12]. Такое стремление к репатриации эстонские коммунисты называли «оптационной лихорадкой».

Еще более интенсивно проходила реэвакуация в Латвию. Уже к началу 1921 г. по железной дороге и морем туда прибыло 86107 оптантов, беженцев и военнопленных. К середине 1922 г. в Латвию прибыло 207518 человек, из них из России 195105 (94,0 %), а в марте 1923 г., когда реэвакуация была в основном завершена, в Латвии оказалось 221959 иммигрантов, подавляющее большинство которых приехало из России [13].

По данным газеты «Советская Сибирь», всего в Сибири было зарегистрировано к октябрю 1920 г. к отправке на родину латышей - 14882, эстонцев - 1230, литовцев - 3060 человек [14].

Основная волна реэвакуации была завершена к концу 1921 г. На январь 1922 г. на учете эвакуационных органов Сибири, согласно сводке особоуполномоченного Центрэвака числилось всего 6447 латышей, 1803 эстонца и 569 литовцев [15]. Подавляющая часть оптантов выехала из Сибири. Иркутский губэвак в 1921 г. отправил на запад два эшелона, в которых находилось 1035 литовцев и 774 латыша [16]. По данным Томского губэвака, за второе полугодие 1921 г. из губернии было отправлено латышей - 5547, литовцев - 9608, эстонцев - 422 человека [17].

Следует отметить, что если в Эстонию возвращались в основном представители коренной национальности (только 3,7 % оптантов были русскими и 1,4 % - немцами [18]), то этнический состав иммигрантов, прибывших в Латвию, был довольно пестрым. Так, из 33736 человек, находившихся в 1920 г. на карантине в Резекне, латыши составляли 50,4 %, евреи - 25,9 %, русские - 12,7 %, поляки - 3,8 %, литовцы - 3,5 %, немцы - 1,6 %, цыгане - 1,1 % и т.д. А из завизировавших документы для въезда в Латвию с 1 апреля по 25 ноября 1922 г. 6824 человек латыши составляли 79,7 %, русские - 8,8 %, евреи - 5,4 %, поляки - 3,7 %, немцы - 2,1 %, литовцы - 0,3 % [19].

Чем же объяснялась «оптационная лихорадка»?

Перед десятками тысяч людей стояла нелегкая проблема: остаться ли в Советской России или вернуться в родные места, где утвердилась власть националистической буржуазии. При этом сложном выборе приходилось считаться не только с политическими симпатиями: у многих в Прибалтике остались родные и близкие, нуждавшиеся в помощи. Кроме того, часть эвакуированных рабочих и демобилизованных красноармейцев испытывала большие трудности с устройством на работу в городах из-за безработицы, порожденной хозяйственной разрухой [20].

Из разных мест Сибири поступала информация об активизации националистической деятельности, связанной с оптацией. Агенты комиссий умело спекулировали на трудностях, порожденных разрухой и голодом, безработицей, паразитировали на естественной тяге людей к родине. Бывали случаи, когда агенты миссий выдавали себя за коммунистов, призывая трудящихся к отъезду на родину для свержения там власти буржуазии, а также собирали шпионские сведения.

На Алтае агенты комиссий выдавали принявшим подданство иностранные паспорта, на основании которых их владельцы освобождались от всех налогов и продовольственной разверстки, вследствие чего, как сообщал инструктор секции, «появлялись нежелательные явления при выполнении хлебной разверстки» [21]. Летом 1921 г. в Енисейской губернии сотрудниками ВЧК был задержан агент оптационной комиссии, служивший прежде у Колчака, который распространял листовки и газеты. При обыске у него было 100 бланков оптационных анкет, за которые он брал у населения золото и драгоценности [22]. За аналогичную деятельность в январе 1921 г. в дер. Розенталь Татарского уезда был арестован сотрудник оптационной комиссии П. Пикт, совершавший челночные рейсы от Омска до Татарска, попутно занимаясь спекуляцией [23].

Под влиянием пропаганды, как сообщалось в отчете этсекции Алтайского губкома, в Змеиногорском уезде в конце 1920 г. наблюдались случаи массовой распродажи поселенцами своего имущества, потравы посевов и т.д. [24]. В селе Казанцево Кольванской волости Змеиногорского уезда эстонские крестьяне отказались везти хлеб на ссыльные пункты в счет продовольственного налога [25].

В докладе латышской секции Сиббюро ЦК приводились случаи, имевшие место в Енисейской губернии, когда кулаки уговаривали латышских колонистов уезжать на родину, а сами скупали по бросовым ценам имущество подавшихся агитации односельчан [26].

Оптация гражданства прибалтийских государств и эвакуация в Прибалтику проходила на фоне серьезных разногласий между Сибревкомом и контрольно-оптационными комиссиями, в первую очередь эстонской.

Эстонская контрольно-оптационная комиссия обвиняла советские органы в нарушении личных и имущественных прав эстонских граждан, проживавших в Сибири. По ее данным, 28 оптантов находились в заключении, у 7 жителей деревни Медодат Мариинского района Томской губернии в счет продналога было конфисковано все движимое имущество, а сами они были приговорены к исправительным работам в угольных шахтах на срок от 3

до 5 лет [27]. Все эти факты не только противоречили букве и духу мирного договора 1920 г. между Советской Россией и Эстонской республикой, но и шли вразрез с циркулярными разъяснениями Наркоминдел о правах и обязанностях иностранцев [28].

Однако своей первоначальной цели - переселения всех граждан эстонской, латышской и литовской национальностей в буржуазные республики - оптация не достигла, в чем была немалая заслуга национальных секций РКП(б).

Хотя многие коммунисты и решили вернуться в Прибалтику, но большинство их осталось в России. Тем более что отъезд их на родину вопреки постановлению соответствующих организаций рассматривался как нарушение партийной дисциплины и мог повлечь за собой исключение из партии.

Впрочем, возвращающимся на родину коммунистам, чекистам и красноармейцам власти прибалтийских государств были «почему-то» совсем не рады. Газета «Виленский курьер» в мае 1920 г. поместила заметку «Советские агенты в Литве», в которой с тревогой сообщала: «В Литву проникло около 400 большевистских агентов и начало сильную пропаганду. Властям удалось значительную часть изловить. Предполагается поместить опасных гостей в концентрационный лагерь ввиду переполненности тюрем» [29]. Все прибывшие в Латвию сразу же попадали в фильтрационные лагеря, где «честных и добропорядочных» латышей отделяли от «неблагонадежных». Эстонские оптационные органы часто отклоняли прошения о возвращении на родину по политическим мотивам. Так, из 5773 оптационных свидетелей, рассмотренных эстонской Сибирской контрольно-оптационной комиссией к марту 1922 г., на 626 из 1538 человек был получен отказ [30].

Эстонский подотдел Сибнаца в отчете за март 1921 г. отмечал, что «вследствие агитации белых элементов относительно оптации в эстонское подданство, часть эстонцев относится к Советской власти лояльно, а некоторые даже враждебно, часть их относится сочувственно» [31].

Однако ситуация постепенно менялась в нужном для секций направлении. На заседании эстсекции Сиббюро ЦК в феврале 1921 г. отмечалось, что «волна стремлений выехать в белую Эстонию охлаждается». Это заявление не было голословным. Так, участники общесибирской конференции эстонских колонистов, состоявшейся 21-23 октября 1920 г. в Омске, неоднократно подчеркивали, что оптация гражданства буржуазной Эстонии не отвечает классовым интересам трудящихся [32].

Определенную роль в изменении настроений балтийских поселенцев сыграли также приходившие в Сибирь известия о проблемах и бедах реэвакуированных людей. Эстонская секция Омского губкома РКП(б) в декабре 1921 г. отмечала, что «зараза оптировать в пользу белой Эстонии среди населения по выяснению реального положения там заметно уменьшилась, и сравнительно маленький процент, которые надумают оптировать» [33].

Положение вернувшихся в Прибалтику оказалось незавидным. По сообщению буржуазной прессы, в г. Тарту не менее 95 % трудоспособных оптантов страдало от безработицы. «В напрасных поисках работы они вынуждены продавать за бесценок свое последнее имущество и одежду, чтобы хоть как-нибудь прокормиться. Найти работу очень трудно, почти невозможно» [34]. В подобном положении оказались многие люди и в других городах.

Аналогичная ситуация была и в сельском хозяйстве. В 1919-1920 гг. во всех трех государствах Балтии были проведены радикальные земельные реформы. На основе принятых законов были принудительно отчуждены мызные земли, постройки, инвентарь и скот, принадлежавшие ранее немецким, русским и польским помещикам. Из образованного государственного земельного фонда распределялись наделы между крестьянами [35]. Естественно, возвращающиеся из России оптанты также рассчитывали на получение земельных наделов. Но надеждам большинства из них не суждено было сбыться. 8 февраля 1921 г. газета «Siberi Tšitšline» писала: «Все мызы в Эстонии все же не разделили, потому что крупное землевладение «богатым» полезнее. В первую очередь земельный надел дают «самым храбрым» (вероятно, имелись в виду солдаты и офицеры белоэстонской армии. — И.Л.), затем мызным батракам, затем городским рабочим и только после всех них прибывшим из России поселенцам. Остается лишь добавить, что ни один прибывший из России в Эстонию еще земли не получил» [36].

В 1922-1923 гг. массовым явлением стало возвращение граждан из Прибалтики (главным образом, Латвии) в Россию. Всего в 1920-1923 гг. из Латвии в Россию выехало 15984 человека. В основном это были добровольные переселенцы и высланные коммунисты [37].

6 декабря 1922 г. Сибревком огласил постановление, согласно которому граждане, проживавшие в РСФСР до и после 1914 г., приписанные к местностям территорий Польши, Литвы, Латвии и Эстонии, но не желавшие оптировать гражданство данных государств, считались гражданами РСФСР [38]. Этот документ послужил юридической базой для принятия советского гражданства теми оптантами, кто передумал возвращаться в Прибалтику.

По статотчетам отдела национальных меньшинств Енисейской губернии за сентябрь 1923 г. видно, что из 1723 эстонских и 1573 латышских семейств губернии первоначально выразили желание выехать, соответственно, 1228 и 120 семейств. В действительности оказалось, что выехали в республики Балтии, соответственно, только 487 и 80 семейств, а остальные приняли советское гражданство [39].

«Оптационная лихорадка» оказала сильное влияние не только на численность, но и на компактность расселения прибалтийских поселенцев в Сибири. Уже к концу 1920-х годов ни литовцы, ни латыши, ни эстонцы в районах своего компактного проживания в среднем не составляли и 50 % от общей численности населения [40].

Аналогичная ситуация была и в других округах Сибири. За редким исключением выходцы из Прибалтики уже в первые же годы после оптационного размежевания жили и работали бок о бок с людьми других национальностей, что создавало предпосылки как для усиления межэтнических контактов литовцев, латышей и эстонцев с русскими, немцами, украинцами, татарами, казахами и других, так и для их приобщения к общесоветским материальным и духовным ценностям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. ERA. Ф.33. Оп.1. Д.5. Л.16.
2. История внешней политики СССР, 1917-1980. Т.1. М., 1980. С.111, 123; Документы внешней политики, СССР. - Т.2. М., 1958. - С.342; Т.3. М., 1959. - С.33; ГАНО. Ф.1. Оп.1. Д.741. Л.12.
3. LVVA. Ф.2570. Оп.10. Д.5. Л.49-50.
4. LVVA. Ф.2570. Оп.10. Д.14. Л.26.
5. ГАИО. Ф.145. Оп.1. Д.88. Л.37.
6. Сибирский революционный комитет. Август 1919 – декабрь 1925 гг. // Сборник документов и материалов. - Новосибирск, 1959. - С.243-244.
7. ГАИО. Ф.42. Оп.1. Д.313. Л.5.
8. ЦХАФ АК. Ф.2. Оп.2. Д.296. Л.1-16.
9. ГАИО. Ф.42. Оп.1. Д.312. Л.7, 35.
10. ЦХАФ АК. Ф.2. Оп.2. Д.291. Л.41.
11. ГАКК. Ф.53. Оп.1. Д.24. Л.171-172.
12. Маамяги В.А. Эстонские поселенцы в СССР (1917-1940 гг.) / В.А. Маамяги. - Таллин, 1977. - С.211.
13. LVVA. Ф.2570. Оп.10. Д.14. Л.26, 84, 118.
14. Советская Сибирь. - 1920. - 8 окт.
15. ГАНО. Ф.1. Оп.1. Д.715. Л.30.
16. ГАИО. Ф.145. Оп.1. Д.88. Л.44.
17. ЦДНИ ТО. Ф.1. Оп.1. Д.1520. Л.2-4.
18. Маамяги В.А. Эстонцы в СССР. 1917-1940 гг. / В.А. Маамяги. - М.: Наука, 1990. - С.85.
19. LVVA. Ф.2570. Оп.10. Д.14. Л.17, 112.
20. Раевский В.Р. Латышские секции РКП(б) / В.Р. Раевский. - Рига, 1976. - С.144.
21. ЦХАФ АК. Ф.2. Оп.2. Д.291. Л.3.
22. ЦДНИ КК. Ф.1. Оп.1. Д.228. Л.1; ERAF. Ф.40. Оп.1. Д.32. Л. 52-54.
23. ГАНО. Ф.1. Оп.3. Д.64-в. Л. 468.
24. ЦХАФ АК. Ф.2. Оп.3. Д.393. Л.20.
25. ЦХАФ АК. Ф.2. Оп.3. Д.393. Л.21.
26. Колоткин М.Н. Балтийская диаспора Сибири: Опыт исторического анализа / М.Н. Колоткин. - Новосибирск, 1994. - С.58.
27. ERA. Ф.957. Оп.11. Д.1048. Л.8.
28. ERA. Ф.33. Оп.1. Д.10. Л.73.
29. Виленский курьер. - 1920. - 21 мая.
30. ERA. Ф.957. Оп.11. Д.1048. Л.7.
31. ГА РФ. Ф.1318. Оп.1. Д.1650. Л.4.
32. Советская Сибирь. - 1920. - 29, 30 окт.; 2 нояб.
33. ГА РФ. Ф.1318. Оп.1. Д.822. Л.4-5.
34. Postimees. 1921. 4. мдг.
35. Кяупа З. История балтийских стран / З. Кяупа, А. Мяэсалу, А. Паюр, Г.Страубе. - Вильнюс, 1999. - С.22.
36. Siberi Tšcline. 1921. 8. veebr.
37. LVVA. Ф.2570. Оп.10. Д.14. Л.118.
38. ГАНО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.741. Л.13.
38. ЦДНИ КК. Ф.1. Оп.1. Д.583. Л.18.
40. Коллективизация сельского хозяйства Западной Сибири (1927-1937). - Томск, 1972. - С.97.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГАИО - Государственный архив Иркутской области
ГАКК - Государственный архив Красноярского края
ГАНО - Государственный архив Новосибирской области

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации (г. Москва)

Д. – дело

Л. – лист

Оп. – опись

Т. – том

Ф. – фонд

ЦДНИ ИО – Центр документации новейшей истории Иркутской области

ЦДНИ КК – Центр документации новейшей истории Красноярского края

ЦДНИ ТО – Центр документации новейшей истории Томской области

ЦХАФ АК – Центр хранения архивного фонда Алтайского края

ERA – Eesti Riigiarhiiv (Государственный архив Эстонии) (г. Таллинн)

ERAF – Eesti Riigiarhiivi Filiaal (Филиал Государственного архива Эстонии) (г. Таллинн)

LVVA – Latvijas Valsts Vēsturiskais Arhivs (Латвийский государственный исторический архив) (г. Рига)